

³⁶ СС11; ДЯ5; ИМ6; ФМ98.

³⁷ ИМ6; ДЯ5.

³⁸ ГААОСО. Д. 38219.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5263, Оп. 1. Д. 1558. Л. 94.

⁴⁰ АЛ51; ТД20.

⁴¹ АК14.

⁴² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 186.

⁴³ АЛ51; ОС37; КД35; АК15.

⁴⁴ ЦДООСО Ф. 4. Оп. 14. Д. 375. Л. 76–77.

⁴⁵ КД35; ЛБ13; ГААОСО. Д. 41051.

⁴⁶ ОС37; КД35.

И. В. ПОБЕРЕЖНИКОВ

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ

В современном отечественном обществоведении, в том числе в исторической науке, наибольшей популярностью пользуются три социологические макротеории: формационная, цивилизационная и модернизационная. Активное освоение последней началось относительно недавно, лишь в постсоветской России. При этом интерес к модернизационной парадигме во многом объясняется возможностями ее применения при изучении той коренной общественно-политической и экономической трансформации, которая началась в стране с конца 1980-х гг. Философ Л. В. Поляков отмечает, что «тема модернизации – одна из наиболее модных в современной российской социально-философской, социально-экономической и политологической литературе». По мнению историка В. В. Согрина, теория модернизация является более прагматической и более «осязаемой» при соотнесении ее с современными российскими реалиями в сравнении с двумя другими влиятельными макротеориями – общественно-экономических формаций и цивилизаций¹.

Под модернизацией в общем понимается процесс, в результате которого аграрные, традиционные общества преобразуются в индустриальные, современные. Считается, что данный переход влечет за собой развитие передовой индустриальной технологии и политических, культурных, и социальных механизмов, соответствующих поддержке, регулированию и использованию этой технологии. Модернизационный переход, как принято считать, оказывает воздействие на каждый социальный институт, каждую группу населения, ощущается всеми слоями общества.

Модернизация характеризуется как всесторонний процесс, который включает множество одновременных изменений на различных уровнях общественного организма. Для отставших в своем развитии обществ модернизация по существу приобретает формы имитации и трансплантации образцов, товаров и технологий из более развитых стран. Таким образом, коммуникация и контакт между различными культурами и обществами становятся важными предпосылками модернизации. В качестве генераторов модернизации нередко выступают лидеры развивающихся стран, которые выдвигают планы и проводят соответствующую политику, направленную на трансформацию общества в сторону современных развитых стран. Хотя в Европе XVIII–XIX вв. именно индустриализация порождала модернизацию, в современных условиях индустриализация не всегда выступает в качестве решающего фактора модернизации. Например, во многих африканских и азиатских странах процессы модернизации начинались с «формирования» наций и развития современных политических систем. Целью преобразований в подобных случаях выступали «осовременивание» социальной структуры и распространение новых норм и ценностей через систему образования; развитие же промышленности могло следовать за указанными процессами².

Некоторые теоретики описывают модернизацию в терминах расширения человеческих знаний и возможностей людей осуществлять контроль над окружающей средой. Так, С.Е. Блэк утверждает, что современные общества характеризуются ростом новых знаний, что, в свою очередь, подразумевает существование индивидуума с расширяющимися способностями понимать секреты природы и применять новое знание в прикладных целях. Р.Н. Беллах рассматривает модернизацию как способность «изучать, чтобы учиться»; он связывает процесс модернизации с расширением способности социальной системы обрабатывать информацию и уметь адекватно ей действовать³.

Модернизационная парадигма (теория, или точнее – теории, модернизации) была сформулирована в середине XX столетия в условиях распада европейских колониальных империй и появления большого количества «молодых наций» в Азии, Африки и Латинской Америке. Перед последними встала проблема выбора путей дальнейшего развития. Собственно программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам Третьего мира (далее ТМ) в качестве альтернативы коммунистической ориентации. В 1950 – начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу на

проблемы развития, которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в эволюции стран Третьего мира. В дальнейшем, на протяжении второй половины XX века, в рамках модернизационной перспективы был накоплен значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу. При этом модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, прошла длительный путь совершенствования. Можно выделить следующие этапы эволюции школы модернизации:

1) *вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.* – период рождения и быстрого роста модернизационных исследований в классической версии; по выражению Габриэля Альмонда, модернизационные штудии являлись «растущими индустриями» вплоть до середины 1960-х гг.;

2) *конец 1960-х – 1970-е гг.* – критический период, в течение которого модернизационная перспектива подверглась значительной критике, как внутренней, так и внешней – со стороны конкурирующих теорий отсталости (зависимости, зависимого развития; была сформулирована в 1960-е гг.), миросистемного анализа И. Валлерстайна (вторая половина 1970-х гг.), марксизма;

3) *1980-е годы* – посткритический период возрождения модернизационных исследований, в течение которого обнаружили себя тенденции конвергенции школ модернизации, зависимости и миросистемного анализа; модернизационные исследования данного периода Элвин Соу называет «новыми модернизационными штудиями»;

4) *конец 1980-х – 1990-е гг.* – становление неомодернизационного и постмодернизационного анализа в значительной степени под влиянием грандиозных трансформаций в странах Центральной-Восточной Европы и Евразии.

Теоретические предпосылки становления парадигмы модернизации

Динамика социальных изменений остается в центре внимания социологической науки с самого ее становления в творениях К.А. Сен-Симона и О. Конта. Не является в этом плане исключением и модернизационная перспектива. Теории модернизации, появившиеся в 1950-е гг., резко отличались от теорий исторической эволюции и социальных изменений, которые господствовали в западной общественной мысли в 1920–1940-е гг. Последние в большинстве своем характеризовались крайним

пессимизмом в оценках перспектив человека и общества, что в значительной степени обуславливалось кризисом западной цивилизации в межвоенный период (две мировые войны, экономические кризисы). Выделяются две «пессимистические» школы. Типичными представителями первой являлись такие мыслители, как О. Шпенглер, В. Парето, П. Сорокин, А. Тойнби, которые интересовались формами развития отдельных цивилизаций или культур. Созданные ими конструкции были по существу циклическими теориями истории. Указанные ученые стремились восстановить последовательность фаз в развитии мировых цивилизаций, которая обычно включала рождение, рост, зрелость и упадок. Согласно данным теориям, западная цивилизация находилась (или уже прошла ее) в высшей точке своего развития, после которой должен был следовать распад. Проявлениями понижающей тенденции в эволюции Запада считались распад человеческого сообщества, ослабление религиозных ценностей, нарастание отчуждения и падение нравов, пугающее рождение «массового общества», которые, в свою очередь, объявлялись следствием процессов секуляризации, индустриализации, урбанизации и демократизации. Некоторые авторы датировали начало процесса разложения эпохой Реформации, другие – временем Возрождения, Индустриальной или Великой французской революций. Отказ от религиозности, эрозия общества, считали мыслители, последовательно и неизбежно привели к «политике масс», мировым войнам, «чисткам», концлагерям. Другая группа ученых-пессимистов акцентировала внимание на феномене «массового общества» (К. Мангейм и Х. Арендт), становление которого связывалось с индустриализацией и демократизацией.

Если пессимистические теории межвоенного периода отражали ощущение катастрофичности, нарастания хаоса, которые, считалось, были вызваны индустриализацией, урбанизацией и тому подобными процессами, то модернизационные теории 1950–1960-х гг., создававшиеся в противовес циклическим, стали отражением социальных, экономических и политических успехов западного общества, которые также, как это не парадоксально, связывали с индустриализацией и урбанизацией.

В ходе теоретических поисков социальные мыслители обратились к знакомой им западной интеллектуальной традиции изучения природы социальных изменений, но не непосредственно предшествующего периода (1920–1940-х гг.), а скорее второй половины XIX – начала XX в. Известный социолог и политолог С. Хантингтон пишет о поразительном сходстве между теориями модернизации и оптимистическими эволюционистскими построениями второй половины XIX в. «Многие характеристики и следствия, которые теоретики послевоенного периода припи-

сали Великому Процессу Модернизации, – подчеркивал С. Хантингтон, – можно обнаружить в сочинениях мыслителей XIX в., таких как Герберт Спенсер или Карл Маркс. В обоих случаях человеческое сообщество развивается главным образом под воздействием экономических факторов, проходя через идентифицируемую последовательность все более прогрессивных фаз».

Эволюционная теория и функционализм оказали наибольшее влияние на формирование теорий модернизации. Следы подобного влияния обнаруживаются во многих особенностях теорий модернизации. Модернизационная школа адаптировала эволюционную и функционалистскую теории. Поскольку эволюционная теория помогла в свое время объяснить переход от традиционного к современному обществу в Западной Европе XIX в., сторонники модернизационной школы считали, что она сможет пролить свет на процесс модернизации и в странах ТМ. Имело значение и то, что многие выдающиеся представители модернизационной перспективы воспитывались в рамках функционалистской теории. Соответственно, их модернизационные штудии неизбежно получили и функционалистскую окраску.

Эволюционизм

Эволюционная теория возникла в начале XIX в. как следствие «двойной революции» конца XVIII в. – Индустриальной (экономической) в Великобритании и Великой французской (политической). Эти революции не только разрушили старый порядок, но и заложили основы нового. Индустриальная революция с ее применением науки и новых технологий в промышленности привела к росту производительности, становлению фабричной системы и завоеванию мирового рынка. Французская революция создала новый политический порядок, основанный на принципах равенства, свободы и братства, и парламентскую демократию. Изучая этот меняющийся социальный, экономический и политический порядок, сторонники эволюционного подхода использовали различные ярлыки для характеристики «старых» и «новых» обществ. Именно в этот период «Великая Дихотомия» между традицией и современностью получила оригинальную и влиятельную формулировку.

Так, в 1861 г. сэр Генри Мэн в своей работе «Древний закон: Его взаимосвязь с ранней историей общества и отношение к современным идеям» рассмотрел в качестве полярных понятия «статуса» и «контракта». Фердинанд Теннис предложил различать понятия *gemeinschaft* (община) и *gesellschaft* (общество), т.е. сельскохозяйственное и индустриальное общества. В интерпретации Эмиля Дюркгейма формам социального по-

рядка в примитивных (традиционных) и современных обществах соответствуют понятия механической (основанной на общих убеждениях и консенсусе, обнаруживаемых в пределах коллективной совести) и органической (взаимозависимость экономических связей, возникающих в результате дифференциации и специализации в современной экономике, новая сеть профессиональных ассоциаций, связывающих индивидов с государством, появление в этих ассоциациях коллективно создаваемых моральных ограничений эгоизма) солидарности.

Г. Спенсер различал «военное» (характеризующееся простой однородностью, конкурентной борьбой и агрессией) и «индустриальное» (характеристиками которого являются сложная однородность, сотрудничество, сила убеждения и альтруизм) общество. По мнению Огюста Конта, мышление в своем прогрессивном развитии проходит теологическую, метафизическую и позитивную стадии, а общество – примитивную, промежуточную и научную. Используя органическую аналогию, О. Конт утверждал, что общество в ходе собственной эволюции становится более сложным, дифференцированным и специализированным благодаря разделению труда; разделение труда ведет к упрочению социальной солидарности, порождая, однако, новое социальное разделение между классами, а также сферами частной и общественной жизни.

В качестве характерных черт классической эволюционной теории, усвоенных модернизационной парадигмой, можно выделить следующие: социальные изменения однонаправленны, т.е. человеческое общество безвариантно движется вдоль одной линии, от низших уровней к высшим, от примитивного к развитому, продвинутому государству, т.е. судьба социальной эволюции предопределена; движение к финальной стадии в развитии человечества оценивается положительно и означает прогресс, рост производительных сил, гуманизма и цивилизованности; социальные изменения характеризуются как медленные, постепенные, пошажные, эволюционные, а не революционные (необходимы столетия для завершения процесса перехода от простых, примитивных к сложным, современным обществам).

Веберовское наследие

Следует особо выделить теоретическое наследие М. Вебера, который не был ни эволюционистом, ни функционалистом, но предложил ярко выраженный систематический подход к понятийному аппарату социологической теории, оказавший существенное влияние на становление модернизационной перспективы (в частности, опосредованно – через функционализм Т. Парсонса, испытавший теоретическое воздействие

М. Вебера). Далеко идущие последствия в плане становления школы модернизации имела предложенная М. Вебером дифференциация типов правления: традиционного, харизматического и рационального. По мнению ученого, традиционная модель правления, осуществлявшаяся на основе повседневной традиционной практики, неприкосновенной и освященной, была характерна для аграрного общества. Эпохи катастроф и бедствий, по М. Веберу, порождают образ так называемого харизматического правления, которое сопровождается появлением прирожденных вождей, обладающих экстраординарными личными качествами, которые, собственно, и обеспечивают мобилизацию масс. Наконец, Вебер полагал, что для индустриального общества более характерна рациональная модель правления, основанная на договоренностях между обществом и носителями власти. Невозможно переоценить значение для формирования модернизационного подхода концепта *рационализация*, разработанного М. Вебером. В социологической схеме Вебера рационализация являлась ключевым понятием анализа европейского капитализма, обозначавшим множество взаимосвязанных процессов, превращавших каждый аспект человеческого действия предметом расчета, измерения и контроля⁴.

Функционализм

В литературе отмечается существенное влияние на модернизационную парадигму функционализма в версии Толкотта Парсонса. К числу наиболее значимых категорий, разработанных этим ученым, можно отнести: систему, функциональный императив, гомеостатическое равновесие, « типовые переменные ». Ключом к пониманию теоретических построений Парсонса является органическая метафора, т.е. уподобление человеческого общества биологическому организму.

Для обозначения гармоничной координации между социальными институтами Т. Парсонс использовал концепт « система ». Различные части биологического организма, согласно Парсонсу, соответствуют разным институтам общества. Подобно частям организма, взаимосвязанным и взаимозависимым в процессе взаимодействия друг с другом, общественные институты (например, общество и правительство) тесно связаны между собой. По аналогии с биологическим организмом, каждая часть которого выполняет определенную функцию ради блага целого, социальные институты, по мнению Парсонса, также имеют конкретные полезные функции, обеспечивающие стабильность и развитие общества. Парсонс формулирует концепт « функционального императива », согласно которому для нормального существования общества необходимо выпол-

нение четырех решающих функций или функциональных потребностей (в противном случае общество погибает): а) адаптация к окружающей среде, потребность соотнесения с окружающей средой при использовании ее ресурсов (функция выполняется экономической сферой); б) целедостижение, т.е. постановка задач, стоящих перед системой (за реализацию данной функции ответственно правительство); в) интеграция (связывание институтов воедино, поддержание внутреннего порядка; данная функция выполняется правовыми и культурно-религиозными институтами); г) поддержание латентного образца (поддержание и передача ценностей от поколения к поколению, необходимая для выработки достаточной мотивации для выполнения задач; выполняется институтами семьи и образования). Эти четыре функции в совокупности составляют систему, известную как AGIL (for adaptation, goal attainment, integration, latency).

Органическая аналогия, помимо прочего, привела Т. Парсонса к формулированию концепта «гомеостатического равновесия». Биологический организм всегда находится в однообразном состоянии. Если одна его часть меняется, другие также должны меняться соответствующим образом, чтобы сохранить равновесие и уменьшить напряженность. В обществе, по мнению Т. Парсонса, имеют место постоянные взаимодействия между институтами с целью поддержания гомеостатического равновесия. Как только один из институтов провоцирует социальное изменение, это вызывает цепную реакцию перемен в прочих институтах, чтобы сохранить гомеостазис. С этой точки зрения, социальная система Т. Парсонса не является статичной, неизменной целостностью; напротив, институты, ее составляющие, постоянно меняются и приспособляются друг к другу.

Возможно, наибольшее влияние на формирование теорий модернизации оказала разработка в начале 1950-х (1951) гг. Т. Парсонсом и Эдвардом Шилзом так называемых «типовых переменных» для дифференциации «традиционности» и «современности». «Типовые переменные» – это ключевые социальные отношения, которые продолжают, повторяются и внедряются в культурные системы. «Типовые переменные» структурируют проблемы выбора, которые встают перед актором (действителем), и классифицируют возможные пути их решения. По Парсонсу-Шилзу, существует пять наборов типовых переменных.

Первый набор (дилемма) = *аффективность VS аффективная нейтральность*. Социальные акторы находятся в определенных отношениях по инструментальным, не затрагивающим их чувств (аффективная нейтральность), либо по эмоциональным причинам (аффективность). В традиционных обществах социальные отношения имеют тенденцию

включать аффективный компонент: это отношения личностные, эмоциональные, лицом к лицу. Даже отношения работодателя-работника в традиционном обществе являются аффективными. Работодатель обращается с работниками как с членами домохозяйства и не увольняет их даже в том случае, если его предприятие терпит убытки. В современных обществах социальные отношения, скорее, строятся на аффективно-нейтральной основе – как неличностные, отчужденные, косвенные. Работодатели увольняют при необходимости работников, в противном случае пострадает экономическая эффективность, и предприятие потеряет прибыльность.

Второй набор = *партикуляризм VS универсализм*. Универсализм предполагает эквивалентную ориентацию индивида на объекты, обладающие равными параметрами. Партикуляризм же подразумевает внимание лишь к объектам, обладающим специфическими для индивида признаками. Участники взаимодействий должны решить, оценивать им человека с помощью общих (универсалистских) критериев или прибегать к критериям специфическим, применимым лишь в отношении конкретного человека (партикуляризм). Данная проблема может быть также описана как выбор между следованием безличным, абстрактным, всеобщим нормам права и правилам поведения или предпочтением им конкретных, личных, племенных отношений, вытекающих из конкретной ситуации. В традиционных обществах люди стремятся ассоциироваться с членами определенного социального круга. Например, они работают на одном предприятии или покупают в соседней лавке. Поскольку они знают друг друга очень хорошо, они относятся друг к другу партикуляристски. Они доверяют друг другу и считают необходимым выполнять социальные обещания. Обычно устного соглашения достаточно для заключения деловой сделки. Для современного общества с его высокой плотностью населения и высокой мобильностью люди часто вынуждены контактировать с незнакомцами, и они стараются при взаимодействиях руководствоваться универсалистскими принципами. Например, банковский кассир, прежде чем оплатить чек, просит предъявить необходимые документы, идентифицирующие личность. В современных обществах существуют писанные правила, которые определяют права и обязанности сторон в каждой деловой сделке.

Третий набор = *коллективистская ориентация VS индивидуалистская ориентация*. Данная дилемма актуализирует проблему выбора: достижение интересов индивида или коллектива. Традиционным обществам характерна верность, преданность коллективу: семье, общине, племенному государству. От людей требуется жертвовать своими соб-

ственными интересами ради выполнения коллективных обязательств. Этот акцент на коллективистскую ориентацию является средством избежания социальной нестабильности, которую могут вызвать индивидуалистические инновации, творчество, воображение. В современных обществах, напротив, акцентируется индивидуалистическая ориентация. Поощрение быть самим собой, развивать свои таланты, расти, строить собственную карьеру – распространено повсюду. Этот акцент на индивидуалистическую ориентацию стимулирует личность и способствует технологическим инновациям и росту производительности труда.

Четвертый набор = *приписка (от английского ascription – приписывание) VS достижение (или также: качество VS исполнение)*. Данная дилемма служит для обозначения одной из альтернатив социальных ориентаций. Участники взаимодействия оценивают людей либо по их поступкам (достижение), либо по их личным качествам, им приписанным (приписка). В соответствии с аскриптивной моделью мотивации об индивиде судят и ведут по отношению к нему, ориентируясь на приписанные ему качества (возраст, пол, престиж, расовую принадлежность и т.д.). Мотивационная модель, ориентированная на достижение (achievement), требует принимать во внимание в первую очередь реальное поведение и успехи индивида (как представителя определенной профессии, гражданина, налогоплательщика и т.д.). В традиционных обществах человек оценивается по статусу, который ему приписан. Принимая на работу, например, работодатель в первую очередь интересуется именами родителей и других родственников претендента. Прием на работу зачастую зависит от того, является ли работодатель хорошим другом или родственником кандидата. В современных обществах человек скорее ценится статусом, который ему удалось достичь благодаря собственным усилиям. Принимая на работу, работодатель больше интересуется технической квалификацией и прошлым трудовым стажем претендента. Острая рыночная конкуренция в современных обществах заставляет оценивать человека, опираясь на принципы достижения, т.е. оценивая его реальные успехи. Работодатель не может позволить себе брать на работу некомпетентных людей, иначе он будет «выдавлен» из бизнеса.

Пятый набор = *функциональная «диффузность» VS функциональная специализация*. «Диффузная» ориентация предполагает, что во внимание принимается личность в целом. Специцистская ориентация заставляет принимать во внимание лишь «часть» личности партнера, важную в контексте происходящего взаимодействия. Таким образом, данная дилемма актуализирует противопоставление между специализированным интересом к объекту, ориентацией на избранные его свойства

и интересом к объекту и ситуации в целом. Индивид выбирает между вовлеченностью наряду с другими индивидами в широкий спектр социальной деятельности («диффузность») и концентрацией на достижении специфических, структурированных целей (специализация). В традиционных обществах преобладают функционально диффузные роли. Например, роль работодателя не сводится только к приему на работу; зачастую он также должен обучать работников; являться их опекуном, попечителем; обеспечивать им условия для проживания и т.д. Такая функционально диффузная роль, конечно, менее эффективна по сравнению с узко специализированной ролью. Работникам требуются годы, чтобы приобрести технические навыки, само обучение носит индивидуальный и несистематический характер. В современных обществах, напротив, преобладает функциональная специализация. Например, роль работодателя определяется достаточно узко. Его обязанности по отношению к работнику ограничены и редко выходят за сферу производства. Поскольку работодатель и работник могут избежать других обязательств по отношению друг к другу, они могут больше времени уделять росту эффективности и производительности⁵.

Классические модернизационные исследования (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.)

Фактически все представители ранней модернизационной перспективы (50–60-х гг.), несмотря на различную дисциплинарную принадлежность, разделяли ряд теоретико-методологических предположений эволюционистского и структурно-функционалистского толка, что обусловило создание в качестве первичной теоретико-методологической конструкции линейной модели изучения модернизации (У. Ростоу, А. Органский, М. Леви, Д. Лернер, Н. Смелзер, С. Блэк и др.).

Классические модернизационные исследования основывались на предположении, что социальное изменение – линейный процесс, включающий преобразование традиционных, аграрных обществ в современные, индустриальные общества. В рамках данного подхода процесс модернизации рассматривался как революционный, связанный с «революционными», радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности при переходе от традиционности к современности (С. Блэк сравнивал данный процесс с переходом от дочеловеческого состояния к человеческому или с переходом от примитивной стадии развития к цивилизации). Модернизации присваивался признак комплексности, что означало несводимость ее к какому-либо одному измерению. Сторонники линейной модели приз-

навали, что модернизация вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. В рамках линейной модели модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связное целое факторы и атрибуты модернизации, которые должны были появляться в кластерах, а не в изоляции. Сторонники линейной модели видели процесс модернизации как имманентное встраивание изменений в социальную систему. Как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, – полагали они, – это неизбежно вызывает адекватные реакции в других сферах. Как отмечал Д. Лернер, модернизация – «это процесс, обладающий собственным отличительным качеством, которое может объяснить, почему современность переживается как спаянная целостность среди людей, живущих по своим правилам». Различные элементы модернизации тесно связаны между собой, «потому что в определенном историческом смысле они должны приходить вместе»⁶. Линейная модель порождала представление о модернизации как глобальном процессе, который обеспечивался как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Все общества, по мнению сторонников данной модели, можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. Далее, модернизация рассматривалась как эволюционный, протяженный процесс по скорости осуществления «революционных» изменений. Эволюция осуществлялась в рамках определенных стадий или фаз модернизации, через которые должны были пройти все общества (например, обычно выделяемые стадии *традиционного, переходного и модернизированного* обществ; четыре фазы модернизации, идентифицированные С. Блэком: 1) *вызов modernity* – первоначальная конфронтация общества, характеризующегося традиционным уровнем знания, с современными идеями и институтами, появление в нем сторонников модернизации, 2) *консолидация модернизаторской элиты* – переход власти от традиционных к модернизаторским лидерам в процессе обыкновенно ожесточенной революционной борьбы, которая может длиться несколько поколений, 3) *экономическая и социальная трансформация* – экономический рост и социальные изменения до момента, когда общество трансформируется из преимущественно аграрного с домини-

рованием сельского образа жизни в преимущественно урбанизированное и индустриальное, 4) *интеграция общества* – фаза, на которой экономическая и социальная трансформация продуцирует фундаментальную реорганизацию социальной структуры общества⁷). В рамках линейной модели процесс модернизации рисовался как процесс унификации, постепенной конвергенции сообществ. Модернизация считалась необратимым и прогрессивным процессом⁸.

Объясняя, как и почему происходят социальные изменения, теория модернизации 1950–1960-х гг. явно или неявно акцентировала внимание прежде всего на капиталистической модели развития, игнорируя или расценивая в качестве временной аберрации на пути к капитализму исторический опыт «второго мира» (социалистических стран). Тем не менее, уже в середине 1960-х гг. Д. Эптер в монографии «Политика модернизации» попытался рассмотреть социалистический эксперимент в качестве одной из двух моделей модернизации. По мнению исследователя, модернизация требует наличия трех условий: 1) социальной системы, способной адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам; 2) гибких социальных структур, в том числе широкого разделения труда или структурной дифференциации; 3) социального контекста, способного обеспечить навыки и знания, необходимые для осуществления технологических трансформаций. Анализируя эмпирический материал на предмет присутствия данных условий, Д. Эптер выделяет две модели модернизации: 1) «секулярно либертарианская» или консенсусная система (система согласований): характеризуется плюралистическим, диверсифицированным распределением власти и лидерства, прагматическими, состязательными партиями и акцентом на компромиссе (США, Западная Европа и другие либеральные демократические государства); 2) «священная общность» или мобилизационная система: характеризуется политической «религиозностью», персонализированным или харизматическим лидерством и однопартийной системой (коммунистические страны и большинство стран «Третьего мира»)⁹.

Примерно тогда же Б. Мур выделил три модели (траектории) модернизации: 1) под руководством буржуазии (Великобритания, США); 2) под руководством аристократии (Германия, Япония); 3) крестьянскую (Россия, Китай). Теоретически допуская возможность третьего пути (Индия), он очень сомневался в его осуществимости. Следовательно, для каждого модернизирующегося общества существует возможность выбора пути: через строительство, например, либерального капитализма, реакционного фашизма или революционного коммунизма¹⁰.

Доминировавшая в 1950–1960-е гг. линейная модель была по-

строена на основе структуралистского подхода; изучение «внутренней логики ситуации» не включалось в ее планы. Данная модель требовала рассмотрения модернизации как единого универсального восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости по одним и тем же стандартным ступеням стадий. Модель была разработана на основе опыта западной «атлантической» цивилизации и практически не учитывала многообразие цивилизационного опыта за пределами Западной Европы и Северной Америки. К существенным недостаткам данной модели необходимо отнести недооценку меняющихся условий международной среды для конкретных обществ, стремящихся модернизироваться. Упрощенным представляется и эволюционистское представление о единой для всех лестнице к высотам современности, исключающее возможности «параллельного» развития или «неразвития» («недоразвития»). В то же время, необходимо признать, что уже в конце данного историографического периода в литературе стала звучать мысль о возможности движения к modernity различными путями (Д. Эптер, Б. Мур).

Критический период (конец 1960-х – 1970-е гг.)

Второй этап развития модернизационной парадигмы протекал в неблагоприятном международном контексте. Реализация на практике – в странах ТМ – программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Несмотря на то, что элиты «новых наций» в большинстве своем откровенно и настойчиво стремились модернизировать свои страны, институциональные структуры и коллективная ментальность последних зачастую оказывались не адекватными задачам модернизации. Отчасти это объяснялось тем, что небольшие и бедные страны не обладали ресурсами, необходимыми для обеспечения базы развития. Политические режимы в ряде развивающихся стран отдавали предпочтение политическим амбициям или идеологическим соображениям в ущерб экономическим потребностям. Нередко местные элиты, декларируя на словах приверженность программам модернизации, в действительности заботились лишь о собственном обогащении. Все это зачастую приводило к усилению традиционных структур и лояльностей.

Кроме того, осуществив формально политическую деколонизацию, бывшие имперские державы в лице «мультинациональных корпораций» (позднее эволюционировавших в «транснациональные корпорации» или ТНК) сохранили экономические интересы в экс-колониях. Группы ТНК, как основные потребители и переработчики сырья, были в состоянии контролировать международный рынок, что крайне затруд-

няло возможности «молодых наций» аккумулировать капиталы для инвестирования их в развитие собственной инфраструктуры.

Сбои в осуществлении модернизационных программ, идеологические факторы, а также изменение политического климата на Западе в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. сопровождались массивной критикой теорий модернизации, которые на некоторое время (в 1970-е гг.) были отодвинуты в тень структурно-историческим анализом международной политической экономии.

Школа модернизации подверглась критике с разных точек зрения, как с позиций представителей основного течения западной академической науки, так и со стороны левых, в том числе марксистских, направлений. Сделанные замечания в первую очередь касались эволюционистских и функционалистских допущений сторонников школы модернизации. Серьезные возражения оппонентов вызвало предположение об *однаправленном характере развития*. Критически настроенные по отношению к модернизационной парадигме ученые утверждали, что понятия «развитой», «современный», «традиционный», «примитивный» являются элементарными идеологическими ярлыками, используемыми для оправдания превосходства Запада. Прозвучало замечание, что вера в однонаправленное развитие привела к игнорированию альтернативных путей развития традиционных сообществ. Поскольку сторонники модернизационной перспективы видели в качестве финальной ступени эволюции лишь западную модель, они практически вынесли за скобки возможность для стран ТМ выбирать другие маршруты развития. Между тем историческая реальность демонстрировала такие возможности (например, авторитарные модели развития Тайваня или Южной Кореи).

Критики обвиняли модернизационную школу в чрезмерном оптимизме. Сторонники модернизационного подхода, по их мнению, ошибочно полагали, что раз Запад стал развитым, то и страны ТМ в состоянии пройти тот же путь. Исследователи не изучали серьезно возможность «неразвития». Многие критики утверждали, что перспективы развития стран ТМ крайне неопределенны, что существует реальная опасность слома, сворачивания модернизации, например, как в Эфиопии, где люди столкнулись с проблемой голода, а нация оказалась на грани вымирания. Оппоненты утверждали, что за последнее столетие положение многих стран ТМ ухудшилось.

Атаке также подверглось функционалистское предположение о несовместимости традиции и современности. Эмпирические исследования продемонстрировали не только частоту взаимодействий между традиционными и современными элементами в процессе модернизации,

но и безусловную ценность традиций и традиционного наследия для обеспечения стабильного и эффективного перехода от аграрного к индустриальному обществу.

Критически оценивались и методологические установки классических модернизационных штудий. Оппоненты утверждали, что школе модернизации не хватает историзма, исторических исследований ситуаций до и после начала модернизации.

Неомарксисты критиковали сторонников модернизационной парадигмы за их идейно-политическую ангажированность. Модернизационная перспектива, по мнению левых, являлась идеологией холодной войны, которая использовалась для оправдания вмешательства США в дела стран ТМ.

Наступательные позиции по отношению к школе модернизации занимали сторонники теории зависимости и миросистемной перспективы.

Теория зависимости (отсталости, зависимого развития; сторонников теории зависимого развития иногда называют «депендентистами» от испанского слова *dependiente* = *зависимый*) была выдвинута П. Бараном, утверждавшим, что экономическое развитие западных индустриальных обществ основывается на экспроприации экономических излишков обществ ТМ. Последние оказываются в ситуации зависимого развития вследствие необоснованных надежд на свое сырьевое производство, ориентированное на экспорт. В дальнейшем теория зависимости разрабатывалась А.Г. Франком, рассматривавшим зависимое развитие с точки зрения глобальной сети эксплуатации, связывающей метрополию и общества-сателлиты¹¹.

Теория зависимости, получившая наибольшее распространение именно в странах ТМ, утверждает, что представление о мировой экономике в духе А. Смита как о системе равных торговых партнеров является неверным, поскольку верховенство «центра» (то есть индустриальных обществ) в военной, экономической и политической области ведет к неравному участию «периферии» (то есть зависимо развивающихся обществ) в процессе обмена. Вследствие неравенства условий обмена капиталистическое развитие тормозит независимое экономическое изменение в периферийных регионах.

В современную эпоху, по мнению сторонников теории зависимого развития, индустриальные общества искажают и тормозят индустриальное развитие в странах ТМ путем навязывания конкуренции со своей промышленной продукцией собственно на внутренних и внешних рынках стран ТМ, а также путем размещения своих фабрик на территории

этих стран с целью выгодного использования дешевой рабочей силы при перемещении туда исключительно трудоемких и нетехнологичных производственных процессов. Все это поддерживает состояние технологической отсталости «периферии». Вследствие этого зависимые общества вынуждены придавать чрезмерное значение производству сырья. В зависимо развивающихся обществах доля индустриального сектора обычно незначительна, преобладают отсталые экономические сектора. Местные рынки блокируются импортом, низкими зарплатами и низкой производительностью. Таким образом, согласно данной теории, система зависимости между центром и периферией все еще поддерживается властью многонациональных корпораций, хотя она больше не связана с прямым колониализмом.

Сторонники теории зависимого развития критиковали школу модернизации за: 1) универсализм, всеобщие рецепты модернизации, которые не учитывали реалии стран ТМ; 2) за непонимание того, что слабо-развитость и дуалистическая экономика в развивающемся мире в действительности, по мнению «депендентистов», являлись порождением мирового развития капитализма; 3) за неэффективность политики привлечения иностранных инвестиций в развитие стран ТМ («депендентисты» утверждали, что, напротив, капиталы утекают из отсталых стран в развитые, а наибольшие успехи в модернизации отсталых стран были достигнуты тогда, когда опора на импортный капитал была минимальной; 4) за непонимание того, импортзамещающая индустриализация, которая поощрялась адептами теории модернизации, не затрагивает систему зависимости и не может покончить и со слабо-развитостью.

Теория развития капитализма как глобальной экономической системы, предложенная И. Валлерстайном (миросистемный анализ), настаивала на невозможности анализировать жизнь одной нации-государства в отрыве от остального мира, поскольку «внутренние» экономические процессы всякого общества могут полностью определяться его местом в рамках мировой системы. Соответственно, сторонники миросистемного анализа критиковали школу модернизации за игнорирование международной ситуации, внешнеэкономического контекста¹².

Академическая и политическая критика обратила внимание на многие ошибочные и некорректные эволюционистские и функционалистские допущения, методологические проблемы и идеологическую тенденциозность модернизационной школы. Модернизационный анализ обвиняли в западно-центризме, упрощенчестве, наивном эволюционизме, дихотомическом – примитивном – видении проблемы взаимоотношений «традиции» и «modernity», «консервативной» приверженности пар-

социанскому «функционализму», неспособному объяснять реальные социальные сдвиги. Данная критика оказалась полезной для развития и совершенствования школы модернизации. Впоследствии сторонники модернизационной перспективы направили собственные усилия на изживание неприемлемых теоретических посылок, в особенности эволюционного телеологизма и жесткого противопоставления традиционности и современности.

Перспективным направлением совершенствования модернизационной парадигмы стала разработка модели *парциальной (частичной) модернизации*. Представление о модернизации как длительном переходе от «относительно немодернизированных» к «относительно модернизированным» обществам, высказанное в одной из ранних работ по проблемам теории модернизации (М. Леви, 1966 г.), получило углубленное развитие в более поздней концепции парциальной (или частичной, «фрагментированной») модернизации. «Во многих обществах – писал автор концепции Д. Рюшемейер, – модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. Но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений. Именно такие устойчивые формы существования разнородных социальных структур являются предметом настоящего исследования. Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур»¹³.

Симбиоз внедренных в традиционный контекст элементов модернизированного общества, терявших в нем способность функционировать как рациональные, и эндогенных немодернизированных элементов, традиционное функционирование которых также блокировалось, рассматривался как малоплодотворный.

Возможность парциальной модернизации связывалась с проникновением современных социокультурных практик и ценностей в слабо развитые общества, то есть с механизмом диффузии и наличием контакта между обществами, стоящими на существенно различных ступенях развития. При этом исторический материал свидетельствовал в пользу существования достаточно широких возможностей для восприятия даже сложных институциональных и культурных феноменов обществами-реципиентами, весьма далекими от того, чтобы самостоятельно производить подобные феномены. Рюшемейер при этом обращал внимание на

неоднородность общества-реципиента в плане возможностей усвоения импортных элементов: «При определенных обстоятельствах модернизация средств, ролей, организаций и норм может зайти очень далеко, а вера и ценностные ориентации остаются неизменными. Из этого правила, пожалуй, можно сделать исключение лишь для тех обществ, которые столь мало дифференцированы, что практически все важнейшие действия имеют религиозную форму, и наоборот, религия переплетена с повседневными ритуалами и правилами. В этом случае предшествующая модернизации система будет либо сопротивляться институционализации важнейших стереотипов в духе модернизации, либо полностью рухнет»¹⁴.

В процессе парциальной модернизации несоответствия могут возникать как между институтами, так и внутри них, а также в сознании конкретной личности, порождая «устойчивое фрагментарное развитие». В отличие от сторонников линейной модели авторы, придерживавшиеся парциальной модели, помещали процесс модернизации в международный контекст, признавая в качестве важнейших условий самой частичной модернизации противостояние обществ-новаторов и «стран-последователей». Суть парциальной модели сводится к признанию возможности «застывания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации. Таким образом, данный подход означал предоставление права на существование еще одному пути (ответвлению), пускай неполноценному, от традиционности к современности. В определенной степени выдвижение модели парциальной модернизации являлось шагом от линейного видения исторического процесса в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики. Парциальная модель, как и линейная, основывалась на структурно-системном подходе, однако, она поставила под сомнение множество признаков линейной модели (революционный, комплексный, системный, глобальный, стадийный, конвергенционный, необратимый характер модернизации). Важнейшая характеристика линейной модели, связанная с жесткой систематизацией обществ по линии отнесения к «традиционности» или к «современности», была основательно пересмотрена в рамках парциальной модели, сводившей традиционные и модернизированные элементы в особую взаимосвязь.

Посткритический период возрождения модернизационных исследований (1980-е гг.)

Как и в классических модернизационных штудиях, в новых исследованиях 1980-х внимание ученых также фокусировалось на проблемах эволюции развивающихся стран, хотя значительный пласт работ соста-

вили монографии и статьи, посвященные проблемам перехода от традиционного к современному обществу в странах Западной Европы и Северной Америки. Анализ велся преимущественно на национальном уровне с целью объяснить процесс развития через действие внутренних факторов, таких как культурные ценности и социальные институты. Новые модернизационные штудии использовали терминологию, во многом унаследованную от классических работ, выполненных в рамках школы модернизации («традиция» и «современность», например). В целом им также было присуще убеждение, что модернизация (и контакт с Западом) благотворны для традиционных сообществ. Однако существовали и серьезные различия между классическими и новыми исследованиями. В последних произошел переход от однозначно негативного отношения к социокультурной традиции к более гибкой и конструктивистской трактовке роли традиций в ходе модернизационного перехода. Благодаря более внимательному изучению широкого спектра национальных культурных традиций, сторонники школы модернизации отказались от одностороннего представления о модернизации как движении в сторону западных институтов и ценностей и пришли к убеждению о возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную культурную окраску). Традиция и современность в исследованиях конца 1970-х и 1980-х гг. уже не рассматривались как взаимоисключающие концепты; они не только сосуществовали, но и проникали друг в друга и смешивались между собой. Вместо прежнего третирувания традиций как препятствий для модернизации исследователи попытались рассмотреть конструктивное значение традиций в процессе модернизации. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских тем, а также к большему вниманию по отношению к традиционным чертам (народные религии, семейственность).

Произошли и определенные методологические сдвиги. Вместо типологизирования и ведения дискуссий на достаточно высоком уровне абстракции сторонники модернизационного подхода стали проявлять склонность к рассмотрению конкретных ситуаций. Исследования 1980-х гг. отличались более историческим подходом. Вместо того, чтобы иллюстрировать теорию конкретными примерами, специалисты использовали теорию для объяснения уникальных конкретных ситуаций. История возвращалась в работы, дабы продемонстрировать специфичность развития в конкретных странах. Нередко углубленные ситуационные исследования дополнялись компаративной перспективой с целью выяснения, например, почему один и тот же институт играет различные роли в разных

странах. Больше, чем прежде, внимание стало уделяться внешним, международным, факторам. Гораздо больше места, чем прежде, стало отводиться феномену конфликтов. Нередко такие факторы, как классовый конфликт, идеологическое доминирование, религиозные революции, инкорпорировались в новые штудии.

Примером новых модернизационных штудий 1980-х гг. может служить исследование С. Хантингтона, посвященное тенденциям развития демократии в развивающихся странах¹⁵.

В данной работе автор в известном смысле полемизирует с прямолинейными схемами демократизации, распространенными в исследованиях классического периода, в частности, с оптимистической гипотезой Сеймура Липсета (1963 г.), согласно которой экономическое развитие непосредственно ведет к демократии. Хантингтон предложил более сложный анализ предварительных условий демократизации по сравнению с односторонней конструкцией С. Липсета. В дополнение к экономическому росту, Хантингтон включил в предмет изучения социальную структуру, внешнюю среду и культурный контекст.

Не отрицая роли уровня экономического развития (первый фактор) для перспектив демократического развития, С. Хантингтон отмечал, что исторически переход к демократии осуществлялся при очень разных значениях данного параметра. Кроме того, ученый обратил внимание на множество стран, особенно в Восточной Азии и Латинской Америке, которые успешно прошли определенные стадии экономического развития и при этом все же отворачивались от демократии. Пытаясь преодолеть концептуальные противоречия, представленные в литературе, С. Хантингтон предложил новую концепцию зоны перехода (транзиции, или выбора). Согласно этой концепции, по мере экономического развития, страны вступают в зону перехода, в которой традиционным политическим институтам становится все труднее обслуживать новые функциональные потребности. Экономическое развитие само по себе, считает ученый, не в состоянии детерминировать процесс замены традиционных учреждений определенной моделью политической системы (например, демократической). Вместо линейного движения к демократии западного типа страны в зоне перехода оказываются перед множеством выборов среди различных альтернатив. Их будущее развитие оказывается в зависимости от исторического выбора, который должны совершить их политические элиты. Короче говоря, хотя экономическое богатство – необходимое условие для демократии, но явно не достаточное.

В связи с этим С. Хантингтон дополняет изучение демократического перехода рассмотрением других факторов. Существенное внимание

он уделяет изучению социальной структуры (второй фактор). По мнению Хантингтона демократизации благоприятствует наличие широко дифференцированной и отчетливой социальной структуры, в рамки которой включены относительно автономные группы (предпринимательские, профессиональные, религиозные, этнические группы и т.д.), которые в состоянии обеспечить контроль за государственной властью и становление демократических политических учреждений. Отсутствие подобных автономных промежуточных групп, по мнению ученого, приведет к полному доминированию централизованного аппарата над обществом в форме абсолютной монархии, восточного деспотизма или авторитарной (или тоталитарной) диктатуры. Из всех промежуточных социальных групп Хантингтон особо подчеркивает значение автономной буржуазии как наиболее существенной. Соглашаясь с Баррингтоном Муром (1966 г.), Хантингтон отмечает: «Нет буржуа, нет демократии».

Далее, Хантингтон подчеркивает значение для судеб демократизации такого элемента социальной структуры как рыночно-ориентированная экономика. Рыночная экономика, писал Хантингтон, требует дисперсии экономической власти, создавая таким образом более благоприятные условия для контроля за государственной властью. Кроме того, рыночная экономика, очевидно, способствует экономическому росту и более равномерному распределению дохода, что, в свою очередь, обеспечивает инфраструктуру демократии.

Третий фактор, анализируемый Хантингтоном, – внешняя среда. Как заявляет Хантингтон, демократизация в большей степени является не результатом эндогенного развития, а следствием распространения британского и американского влияния (посредством колонизации, колониального управления, военных действий или прямого навязывания). В качестве примера он ссылается на ситуацию времен Второй мировой войны и послевоенного устройства мира: в странах, занятых американскими войсками, – восторжествовала демократия; в тех же странах, в которые вошла Советская армия, – установились прокоммунистические режимы народной демократии (не демократические в западном смысле). В этом плане, по мнению С. Хантингтона, рост или упадок демократии в глобальном масштабе является функцией усиления или ослабления наиболее мощных демократических государств. Распространение демократии в XIX столетии шло рука об руку с расширением *Rex Britannica*. Расширение же демократии после Второй мировой войны отразило рост Соединенных Штатов как супердержавы. Наоборот, упадок демократии в Восточной Азии и Латинской Америке в 1970-е гг. был отражением затухания американского влияния. Как отмечает Хантингтон, демократи-

ческое влияние может осуществляться как прямым путем (усилия, например, американского правительства, направленные на ход политических процессов в различных странах), так и опосредованным (обеспечение мощной и успешной модели развития).

Четвертый фактор, обсуждаемый С. Хантингтоном, – это культурный контекст. Исследуя воздействие религии на политическую культуру, Хантингтон пришел к выводу о наличии высокой корреляции между протестантизмом и демократией. По мнению ученого, католицизм оказывает, скорее, умеренное и отсроченное воздействие на рост демократии; индуистские и синтоистские культуры не препятствуют демократизации; а ислам, конфуцианство и буддизм в большей степени способствуют развитию авторитарных форм правления. Чтобы объяснять различное влияние культурных контекстов на политическое развитие, С. Хантингтон дифференцирует два типа религиозных культур.

Консамматорная (*Consummatory* = конечный, совершенный) религиозная культура, – в рамках которой устанавливается тесная связь между промежуточными и конечными целями – менее благоприятна для развития демократии. В исламе, например, как считает Хантингтон, отсутствует какое-либо различие между религией и политикой (между духовным и светским); и политическое участие в мусульманских странах исторически считалось чуждой концепцией.

Инструментальная религиозная культура характеризуется разделением между промежуточными и окончательными целями. Индусская традиция, например, допускает разнообразие и конфликт среди групп, признает возможность компромисса и, таким образом, не устанавливает барьеров на пути к демократии.

В итоге, Хантингтон приходит к выводу, что предварительными условиями (предпосылками) демократизации являются: экономическое благосостояние, плюралистическая социальная структура (автономная буржуазия и ориентируемая рынком экономика), большее и непосредственное (*vis-a-vis*) влияние на общество со стороны уже существующих демократических государств и, наконец, наличие культуры, терпимой (толерантной) по отношению к разнообразию и компромиссу. Он доказывает, что за исключением рыночной экономики, ни одна из перечисленных предпосылок не может считаться единственно необходимой для того, чтобы обеспечить демократическое развитие. Требуется определенная комбинация вышеупомянутых предварительных условий для того, чтобы был установлен демократический режим. При этом конфигурация такой комбинации может существенно варьировать в каждом конкретно-историческом случае. Как можно видеть, аналитическая картина, кото-

рую рисует С. Хантингтон отличается большим историзмом, многосторонностью, многофакторностью; для нее не характерен примитивный телеологизм ранних версий модернизационных исследований.

Как уже отмечалось, в процессе эволюции модернизационной перспективы пересматривались концептуальные схемы, объясняющие сами механизмы взаимодействия традиции и модернизации. В ранних прямолинейных конструкциях традиционные институты и формы интерпретировались как барьеры, препятствующие переходу от традиционного к современному обществу. Считалось, что для осуществления модернизации необходимо преодолеть, во-первых, экономические преграды, чтобы внедрить такие модернистские качества собственно капиталистической системы как рациональность, аскетизм, непрерывный процесс производства и обмена и рынок формально свободной рабочей силы. Во-вторых, в социально-политической области требовалось заменить патримониализм и экономические структуры, основанные на родственных отношениях, на рациональную административную организацию и правовые институты, отделить бизнес от местожительства, разграничить общественную и частную собственность. В 1980-е гг. были разработаны другие схемы для изучения природы интеракций между модернизацией и традицией, в частности теория баррикад В. Дэйвиса. Последний попытался посмотреть на традиционные «пояса защиты» с точки зрения традиционализма, а не модернизма. Его подход можно интерпретировать следующим образом: каким образом традиционные сообщества организуют защиту от разрушительного воздействия модернистских ценностей. Исследователь при этом подчеркивал, что традиционными обществами организуется защита не против прогресса вообще, а именно против социальной турбулентности и морального упадка, которые вызываются безудержным развитием коммерции.

Согласно В. Дэйвису, традиционное общество может быть представлено в виде трех концентрических кругов. Внутренний круг воплощает экономику и экономические ценности. Средний круг представляет собой «иммунитетную баррикаду», которую традиционное общество воздвигает для «предохранения» экономики от развития (эта «баррикада» включает разнообразную табу, традиционную религию, этику, право, философию, народные верования и т. д.). Наконец, внешний круг включает общество с его ценностями, статусными ролями, властными отношениями. Инструменты, которые сконцентрированы в среднем круге, держат экономику под контролем, ограничивая возможности рынка традиционными ритуалами и церемониями, позволяя ему функционировать только в довольно узких границах. По схеме Дэйвиса экономическое

развитие может начинаться не только вследствие того, что «враг» (модернизация, развитие) взбирается на валы и вторгается в «цитадель» традиционного общества, но и в результате того, что стареют и ветшают сами эти барьеры и в конце концов начинают разрушаться. Возможна и такая ситуация, когда сами защитники баррикад утрачивают былое мужество и добровольно капитулируют.

Используя разработанную схему, В. Дэйвис попытался дать свою интерпретацию развития капитализма в Западной Европе. По мнению ученого, становление рациональной экономики произошло не только потому, что «страстные протестанты» заполнили рынок, но и потому, что не особенно ревностные прочие христиане оказывали слишком слабое сопротивление росту эксплуатации. Так, например, в Англии церковь практически не реагировала на растущую нищету, огораживания, работные дома, – следствия деятельности протестантских модернизаторов. Модель баррикад Дэйвиса предлагает новый подход к изучению взаимоотношений между религией и развитием. Вместо того, чтобы фокусировать внимание на том, как акторы модернизации преодолевают традиционные барьеры, исследователь предлагает сконцентрировать усилия на анализе защитников традиционной религии и традиционных ценностей¹⁶.

Неомодернизационный анализ (конец 1980-х – 1990-е гг.)

В 1970–1990-е гг. мир стал свидетелем двух сдвигов глобального значения, которые создали значительные трудности для теорий, конкурировавших с модернизационной парадигмой.

Во-первых, необходимо указать на грандиозные трансформации в Восточной Азии, которые сопровождались ускоренной модернизацией стран «конфуцианско-дальневосточной цивилизации», следующих по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзия), и превращением их в серьезных конкурентов для наиболее развитых стран мира. Ориентируясь на японский стандарт, эти страны стали демонстрировать настолько высокие темпы экономического и промышленного развития, что позволило им если не догнать Японию, то во всяком случае заметно приблизиться к ней, оказаться вместе с ней флагманами экономики всего развивающегося мира, а в недалеком будущем, возможно, вообще всего мира. При этом социально-экономический рост «азиатских тигров» не сопровождался серьезным усилением в них социального неравенства, что было характерно для многих других развивающихся современных регионов и для большинства стран Запада в XIX в. Восточно-азиатское «чудо» нанесло существенный удар по миросистемной

теории, поскольку оно плохо вписывается в ее концептуальные рамки. Действительно, страны периферийной зоны мировой системы смогли найти внутренние ресурсы для обеспечения роста и модернизации, повышения уровня жизни, качества здравоохранения и образования перед лицом развитого «ядра» западных капиталистических стран.

Вторым важным сдвигом, еще менее ожидаемым и даже более стремительным (польский социолог П. Штомпка определил данную трансформацию как «анти-теоретическую революцию» = «a-theoretical revolution»), по сравнению с первым, явилась социально-политическая трансформация советской империи, которая началась с признания провала прежней политики в сфере экономики и поиска путей экономической и политической модернизации («перестройка»). Затем последовал каскад политических событий, приведших к объединению Германии, падению коммунистических режимов в СССР и странах Центральной-Восточной Европы (ЦВЕ). Несмотря на то, что все эти процессы в определенной степени стимулировались внешними факторами (сопоставление жизненных уровней в социалистических и западных странах; война в Афганистане, ставшая для Советского Союза чем-то вроде Вьетнама или Алжира), главными движущими силами трансформации стали причины внутреннего происхождения. События последнего десятилетия в ЦВЕ дали новый толчок модернизационным исследованиям.

Постсоциалистические страны ЦВЕ рассматриваются многими исследователями как прекрасная лаборатория для теоретического совершенствования и проверки модернизационной перспективы. «Эмпирические аномалии», которые демонстрируют эти страны, заставляют ученых задуматься: вместо «адаптивного подъема» наблюдается экономический коллапс; вместо более тесной интеграции – усиление этнической и религиозной демаркации; вместо формулирования последовательных ясных целей на политическом уровне – противоборство хрупких политических коалиций, не способных справиться с неуправляемым обществом.

После падения коммунизма в странах ЦВЕ развернулись исследования проблем перехода («транзиции») постсоветских обществ, которые проводились в широком дисциплинарном диапазоне. При этом признавалось продуктивным использование модернизационной перспективы. Можно утверждать, что трансформация стран ЦВЕ способствовала гальванизации теорий модернизации. Однако одновременно раздавались предостережения против буквального использования устаревшей версии модернизационной перспективы образца 1960-х гг. Трансформация стран бывшего социалистического лагеря потребовала дальнейшего развития модернизационной перспективы. При этом, как

и прежде, переосмысление модернизационного комплекса продвигалось во многом в русле критики эволюционизма и функционализма, заложенных в теоретической матрице перспективы, а также эволюции от высокого уровня абстракции к эмпирическим исследованиям. Разработка современной версии модернизационных исследований (неомодернизационный или постмодернизационный анализ) связана с именами Э. Тириахьяна, П. Штомпки, В. Цаффа, К. Мюллера и др.

Теоретическое ядро современной версии модернизации включает следующие положения.

1. Отказ от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей; признание возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску). Как утверждает Э. Тириахьян, не существует какого-то фиксированного «центра modernity», напротив, возможно наличие нескольких «эпицентров» модернизации, число которых может пополняться. В работе 1985 г. он пишет о перемещении центра модернизации в Восточную Азию.

2. Признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; придание ей статуса дополнительного фактора развития. В частности, Э. Тириахьян предлагает пересмотреть в свете новых исторических реалий вопрос о роли религии в процессе модернизации. Эта роль может быть весьма значительной, по его мнению. Религия может выполнять функцию легитимизации и мобилизации масс на свершения. Она же обеспечивает делегитимизацию неэффективного политического строя и стимулирует сопротивление авторитарным или тоталитарным режимам. Тириахьян ссылается на процессы в Польше, Никарагуа, Иране, Чили, на Филиппинах и в других странах на протяжении последних 15 лет или около того, которые, по его мнению, подтверждают потенциальную и актуальную роль религии как «рычага социальных изменений».

3. Больше, чем прежде, внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту. Хотя исследования по-прежнему фокусируются во многом на внутренние факторы модернизации, ученые не отрицают роли, которую играют внешние факторы в модификации процессов развития. Модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный процесс (Р. Робертсон). Подобное видение существенно отличается от классического, в рамках которого ученые анализировали преимущественно внутренние переменные, такие как социальные институты и культурные ценности.

4. Отход от эволюционистского телеологизма. Акцентирование

внимания не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства.

5. Историчность подхода. Инкорпорация в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции» (К. Мюллер). Акцент на пространственно-временной горизонт акторов, в соответствии с которым выстраиваются новые линии развития. Признание зависимости между результативностью модернизации и гармонией между культурными, политическими, экономическими ценностями и приоритетами и наличным ресурсами.

6. Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации. Как отмечает Э. Тириакийн, отдельные сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации; некоторые группы могут делать это лишь на протяжении какого-то временного отрезка; отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например, те, кто имеет доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства).

7. Осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса, даже если конкретным обществом пройдена стадия «взлета» («take-off» в терминологии У. Ростоу). Признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса. Как пишет Э. Тириакийн, «существуют периоды расширенной деятельности по изменению или совершенствованию социальных структур или институционального устройства не только внутри, но и между обществами, и имеют место другие периоды, когда наступают удовлетворенность и усталость, сопровождаемые лишь слабыми попытками подъема и обновления». Такие периоды кажущейся неактивности могут быть эпохами упадка (например, последовавший после грандиозного взлета период стагнации в истории Нидерландов в XVIII в.) или медленного скрытого вызревания инноваций и новой ментальности, еще не проникших в официальный институциональный порядок и властные структуры¹⁷.

Итак, классическая и современная версии модернизационного анализа существенно разнятся. Модификация теоретических основ модернизационного подхода способствовала превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не иг-

равшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. Модернизационная перспектива выжила за счет принесения в жертву серьезных посылок, входивших в состав ее теоретического ядра. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) переход от достаточно абстрактного теоретизирования к рассмотрению конкретных ситуаций; 3) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 4) инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; 5) акцент на циклическую природу процесса модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. № 3. С. 6; Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 127.

² Moore W.E. Social Change. N.Y., 1974; Germani G. The Sociology of Modernization. New Brunswick; N.Y., 1981; Chirot D. The Rise of the West // American Sociological Review, 50. 1985, P. 181–195; Chodak S. Societal Development. N.Y., 1973; Kerr C. The Future of Industrial Societies. Cambridge, Mass., 1983.

³ Black C.E. The Dynamics of Modernization. N.Y., 1967; Bellah R.N. Religion and Progress in Modern Asia. N.Y., 1965.

⁴ См.: Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991; Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998; Она же. Модернизация и хозяйственная культура (концепция М. Вебера и современные теории развития) // Социс. 1997. № 4. С. 46–54.

⁵ Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader. Ed. by C.E. Black. N.Y., London, 1976. P. 28; So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 18–23; Также см.: Ковалев А.Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии. Т. 3. М., 1998. С. 176–178; Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998. С. 37–39; Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 212–214.

⁶ Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y.; London, 1965. P. 438.

⁷ Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History.

N. Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 67–68. В другой работе С. Блэк предлагает несколько отличную схему периодизации: 1) предпосылки модернизации; 2) социетальная трансформация; 3) продвинутая модернизация; 4) международная интеграция (см.: *Comparative Modernization: A Reader*. Ed. by C. E. Black. N. Y.; London, 1976. P. 8).

⁸ *Rostow W. W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; *Idem.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971; *Lerner D.* The Passing of Traditional Society...; *Levy M. J.* Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; *Black C. E.* The Dynamics of Modernization...; *Eisenstadt S. N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. При описании линейной модели модернизации мы опирались на исследование С. Хантингтона, охарактеризовавшего данную модель девятью признаками (*Huntington S. P.* The Change to Change... P. 30–31).

⁹ *Apter D. E.* The Politics of Modernization. University of Chicago Press, 1965.

¹⁰ *Moore B., Jr.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.

¹¹ *Frank A. G.* Capitalism and Underdevelopment in Latin America. N. Y., 1969.

¹² *Wallerstein I. M.* The Modern World System. N. Y., 1974–1980. Vol. 1–2.

¹³ *Rueschmeyer D.* Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by J. C. Loubser et al. N. Y., 1976. Vol. 2. P. 756–72; Цит. по: *Волков Л. Б.* Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (Обзор англо-американской литературы) // Критический анализ буржуазных теорий модернизации. Сб. обзоров. М., 1985. С. 72–73. Необходимо признать, что Р. Бендикс уже в 1960-е гг. признавал, что реальный процесс модернизации протекает как «частичный» (см.: *Bendix R.* Tradition and modernity reconsidered // Comparative studies in society and history. Hague, 1967. Vol. 9. № 1. P. 330).

¹⁴ Цит. по: *Волков Л. Б.* Теория модернизации... С. 74.

¹⁵ *Huntington S.* Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1984. № 99. P. 193–218.

¹⁶ *Davis W.* Religion and Development: Weber and East Asia Experience // Understanding Political Development. Boston, 1987. P. 221–79.

¹⁷ *So A. Y.* Social Change and Development...; *Grancelli B. (ed.).* Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; N. Y.: De Gruyter, 1995; *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.